РОГАТИНА.

Въ тѣсной избѣ, загроможденной двумя ткацкими станами и двумя зыбками на очепахъ, горѣла яркая лучина. Свѣтецъ былъ поставленъ на приступокъ голбца, а рядомъ со свѣтцомъ, для поправки лучинъ и присмотру за ними, сидѣлъ старикъ съ порядочною лысиной и внукъ его, парнишко бороноволокъ. Двѣ молодыя ткачихи работали усердно и заглушали стукомъ и скрипомъ бесѣду старика. Мальчикъ прислушивался и по временамъ доспрашивался крикливымъ голосомъ недослышаннаго; дѣдушка же отвѣчалъ ему спокойно, своимъ голосомъ, и со стороны только по движенію губъ и головы замѣтно было, что онъ бесѣдуетъ. Кто–то постучался въ окно и громко спросилъ: дѣдушка Гарасимъ дома? — Дома, что надо? обозвалась одна изъ ткачихъ, не останавливая работы, и вскорѣ вошелъ въ избу молодой парень въ тулубѣ въ накидку,

торопливо перекрестился, поздоровался и, оглядѣвшись съ какою–то осторожностію, подсѣлъ къ старику. Дѣдушка, сказалъ онъ, нагнувшись къ нему на ухо, Макаръ босаго лѣсника обложилъ! — Врешь? — Ей, право; ѣздилъ нынѣ по дрова, да подмѣтивъ его намедни, нынѣ и высмотрѣлъ, вотъ что! — А что жъ онъ высмотрѣлъ–то? — Какъ что, вотъ онъ чай сей часъ самъ будетъ, только лошадь отпрягаетъ, а я и прибѣжалъ къ тебѣ напередъ! — Такъ неужто босой, сказалъ старикъ, глядя въ лицо вѣстнику, и расхохотался самымъ радушнымъ смѣхомъ: а какъ баба въ лаптяхъ прошла? — Ну вотъ, небось Макарка не знаетъ! Говорю притоманно; пойдемъ что ли утре?

Дѣдушка Гарасимъ видимо ожилъ. Небольшіе сѣрые глаза его искрились при огнѣ лучины, какъ глаза сѣраго кота въ печуркѣ. Босой, проговорилъ онъ улыбаясь, вотъ подождемъ Макара. На это отвѣтили шаги въ сѣняхъ, и Макаръ вошелъ безъ докладу, перекрестился, поклонился и также тотчасъ обратился къ дѣдушкѣ

Гарасиму. Что, ужъ Сенька тута! вишь пострѣлъ, а говорилъ вѣдь я, погоди–молъ, пойдемъ вмѣстѣ. Ну что, дядя, идемъ что–ли?

Макаръ самъ былъ уже человѣкъ, коли не пожилыхъ, такъ среднихъ лѣтъ, человѣкъ середовой, и потому чествовалъ Гарасима не дѣдомъ, а дядей. Укоривъ Сеньку за поспѣшность, онъ и самъ однако повидимому не любилъ откладывать подобныхъ дѣлъ, потому что прибѣжалъ къ Гарасиму съ обледенѣлыми усами и бородой, какъ пріѣхалъ изъ лѣсу, стало быть, даже не поѣвши. Дѣдушка взглянулъ изподлобья на ткачихъ, какъ будто не желая, чтобы бесѣда эта дошла до нихъ, между тѣмъ какъ внукъ его разинулъ ротъ и прислушивался къ каждому слову.

— Гляди, дѣло ли говоришь? сказалъ онъ Макару.

— Чего не дѣло, отвѣчалъ тотъ, также глянувъ украдкою на бабъ и оборотившись къ нимъ спиною, чего не дѣло, слушай — и самъ присѣлъ на корточки передъ старикомъ. Намедни ѣздилъ я по дрова —

вотъ въ суботу двѣ недѣли будетъ — такъ за каменнымъ бродкомъ, въ гору, на Кривушу, напалъ на слѣдъ: вижу, бродилъ косматый; я и подумалъ, ну ужъ броди не броди, а лучше этого лому да дрязгу, на Кривушѣ то есть, не найдешь, быть тебѣ тутъ. Однако, думаю, еще рано, чай путемъ не улегся, не облежался. Вотъ я, куда ни шли дрова мои, поѣхалъ покружить; объѣхалъ межевой просѣкой, кругомъ да оврагомъ опять и выѣхалъ на бродокъ; не прошелъ нигдѣ, вотъ–те порука не прошелъ. Нынѣ я и поѣхалъ опять, да ужъ прямо туда, лошадку привязалъ въ лѣсу и обошелъ, закружилъ его вовсе, тута, да и полно. — А босой прошелъ, спросилъ опять старикъ расхохотавшись, аль въ лаптяхъ? — Толкуй еще, продолжалъ Макаръ, вытаскивая пятерней сосульку изъ бороды, тебѣ дѣло говорятъ, пойдемъ, что–ли? — Ну что жъ, пойдемъ, отвѣчалъ Гарасимъ, съ Богомъ; я припасу дровнишки свои, а чубарый у меня дома. Ты припряжешь что ль, куцаго своего, Сеня? — Припрягу! — Ну ладно, приводи же съ постромками, да съ

привожжекомъ, а я припасу вѣшку, излажу пристяжку.

Дѣдушка, и меня возьмите, заревѣлъ звонкимъ голосомъ парнишко, который смѣтилъ уже, о чемъ идетъ рѣчь. — Молчи, дуракъ, сказалъ старикъ глухо, мать услышитъ, не пуститъ. Чѣмъ свѣтъ приходите; вотъ, пожалуй, Ванюшку возьмемъ къ лошадямъ; чай лыжъ не надо? — Не надо, отвѣчалъ Макаръ, мало снѣгу совсѣмъ, ходить гоже: да и близко такъ; что тутъ, много ль отъ бродка до Кривуши будетъ? не сколько! — Ну, продолжалъ старикъ, голосомъ будто бесѣдуетъ о пустякахъ, убѣдившись еще взглядомъ на ткачихъ, что онѣ заняты своимъ дѣломъ и поколачиваютъ бердами въ запуски, — ну, такъ съ Богомъ, да не болтайте насторону, не годится.

Макаръ съ Семеномъ ушли, дѣдушка Гарасимъ погрозился молчкомъ на Ванюшку, и тотъ, счастливый и довольный, все еще лѣзъ по временамъ объясняться и шептаться съ дѣдушкой о завтрешнемъ днѣ, покуда мать его не угнала на полати.

Старикъ вышелъ въ сѣни, сталъ шарить въ потьмахъ руками вдоль стѣнки въ самомъ верху, подъ накатомъ, и нащупавъ какую–то вещь, заткнутую тамъ въ щель, вытащилъ ее и внесъ незамѣтно въ избу. Это была рогатина. Поглядѣвъ на нее при лучинѣ, онъ досталъ брусокъ, которымъ точатъ косы, и принялся, поплевывая, править ржавое и загрублое лезвее. Рогатина у дѣдушки Гарасима, какъ у знаменитаго медвѣжатника, была, въ сравненіи со сверстниками, знатная: длиною, съ трубкою, четверти въ три, шириною перста въ три и добрѣ наварена сталью. Такая рогатина была на диво прочимъ; многіе ходили на медвѣдя съ плохимъ копьемъ, какимъ съ трудомъ только можно было прободнуть толстую шкуру звѣря, да и то потому только, что онъ съ дуру самъ напираетъ. Направивъ немного оружіе свое, дѣдушка вынесъ его опять и сунулъ въ то же мѣсто; потомъ досталъ изъ–подъ лавки топоръ, да еще большой ножъ, заткнутый подъ полатями. Все это онъ вынесъ туда же, въ сѣни, къ

одному мѣсту. Сборы эти прошли благополучно и повидимому не были замѣчены ткачихами; но когда старикъ досталъ съ полавочника котомку свою и сталъ откраивать себѣ хлѣбца, то одна изъ нихъ спросила: куда, батюшка, собираешься! — По дрова надо съѣздить, сношенька, отвѣчалъ онъ спокойно и продолжалъ свое дѣло. Пора бы и ужинать собирать, сказалъ онъ, и сноха встала изъ-за стана. Вскорѣ лучина въ избѣ этой погасла, станы замолкли, все уснуло мертвымъ сномъ.

Ни свѣтъ ни заря, опять Сенька первый постучался въ окно этой же избы. Гарасимъ спалъ такъ, какъ дай Богъ почивать и намъ съ вами, даже когда мы и не собираемся на медвѣдя. Длительный стукъ повторился до нѣсколькихъ разъ, невѣстка первая проснулась, опросила посѣтителя и услышавъ, что это Семенъ, и что онъ собирается съ дѣдушкой по дрова, разбудила старика. Семенъ уже привелъ и куцаго своего; вскорѣ пришелъ и Макаръ; подняли Ванюшку, который вскочилъ

бодрѣе обычнаго и былъ отпущенъ матерью безпрекословно, на помощь дѣду, по дрова. Лошадокъ заложили, позавтракали, помолились нѣсколько усерднѣе обыкновеннаго и поѣхали.

Только когда выѣхали за село, Гарасимъ сталъ допрашивать товарищей, все ли у нихъ взято съ собой, что нужно. Оказалось, что у каждаго изъ нихъ было по рогатинѣ, хоть и плохой, у одного ножъ или засапожникъ, у другаго топоришко. Дѣдушка пожурилъ ихъ немного, объявивъ, что запасъ бѣды не чинитъ, и что каждому безпремѣнно слѣдовало взять по ножу и по топору. Не равенъ часъ; ино такъ насядетъ на тебя босой–то, что и ножа не успѣешь выхватить. Онъ вишь радъ всякому человѣку, знай только обниматься лѣзетъ. Вѣдь и онъ, сказываютъ, былъ человѣкомъ, да оборочена ихъ въ медвѣдей цѣлая деревня, старикомъ какимъ–то, за то, что не приняли его, никто не пустилъ ночевать.

— А тебѣ, дѣдушка Гарасимъ, доводилось пороть его ножемъ, спросилъ бойкій Сенька.

— Довелось разокъ. Ходилъ я въ тѣ поры съ отцомъ Макара, царство ему небесное, ходилъ не съ рогатиной, а съ ружьемъ. Обошли мы его ладно и высмотрѣли, а снѣгъ ужъ лежалъ въ поясъ, такъ мы по насту, на лыжахъ. Вотъ мы къ нему, отецъ твой по правѣе, а я эдакъ; собаченка была у меня, такъ, косматенькая, какъ кинется подъ колоду, какъ взлаетъ — и, что твои колокольчики, такъ и залилась. А онъ, какъ рявкнетъ, да какъ прянетъ изъ–за колоды — такъ вотъ и отуманило, словно снѣжище передъ тобою столбомъ сталъ, сыра–земля растворилась. Тутъ дохнуть не далъ ему отецъ твой, — приложился, хлопъ — перенялъ его поперегъ костей жеребьемъ, словно рожномъ подъ бока; онъ тебѣ свинкой прямо такъ и ринулся на него, и на дыбы не взпялся, да мимо меня, въ право; я приложился, да въ этотъ бокъ ему, подъ лопатку пустилъ пулю — только я и видѣлъ свѣтъ; кто у меня ружьишко выбилъ изъ рукъ, кто подъ себя сломалъ обнявши — ничего не знаю. Вотъ когда онъ и выручилъ

меня, неизмѣнный другъ, ножъ на поясу; поколѣ я сказываю это, такъ бы ужъ давно онъ съ меня всю нахлобучку до самыхъ мозговъ стянулъ, выхватилъ я ножъ–отъ, да прямо угодилъ подъ душу ему, и шаркнулъ внизъ — такъ у него возъ возомъ всѣ потроха и вывалились наружу. Тутъ спасибо и товарищъ подоспѣлъ а не выдавалъ онъ таки николи — я и свалилъ его съ плечъ вывернувшись изъ–подъ него, и перекрестился.

А ружья–то, чтожъ не взялъ теперя, дѣдушка?

— Ну, его, не годится оно, обманетъ. Ты вишь вотъ и угодилъ, кажись, ладно, какъ разъ подъ лопатку, а онъ на дыбы, да поди–ка, говоритъ сюда, поразвѣдаемся. Нѣтъ ружье супротивъ рогатины ничего не стоитъ. Рогатина любезное дѣло. А ино еще и того хуже обманетъ, осѣчку дастъ, вотъ и пропалъ. Вотъ годовъ тому съ 15 будетъ, выгоняли насъ облавой на разбойниковъ, завелись было проклятые по ту сторону Кривуши, шалили и грабили народъ по дорогамъ. Вотъ и выгнали много народу — а

былъ наслухъ, что держатся они временемъ въ зимницѣ, гдѣ въ былое время живали лѣсники, да бѣглые раскольники — и выгнали слышь; кто съ дубьемъ, кто съ топоромъ, а у кого ружье есть, приказано было ружья брать безпремѣнно, и пороху самъ исправникъ раздавалъ: не жалѣй, говоритъ, клади зарядъ полный, какъ слѣдуетъ. Вотъ идемъ лѣсомъ, идемъ, и боимся; ладно кабы ихъ мошенниковъ приказали закопать тутъ же: что дѣлать, взялъ бы грѣхъ на душу, да и дѣлу конецъ; а то вѣдь бѣда — ловить велятъ, тамъ учнутъ семь лѣтъ судить, да по всѣмъ острогамъ таскать, да всѣ наговоры отъ него принимать, съ кѣмъ-де знался, у кого ночевывалъ — извѣстно, кого хочетъ, того и губитъ, а кто позажиточнѣе, того и втянутъ туда съ головою; да еще того гляди, уйдетъ, такъ ужъ это первое дѣло, что сожжетъ все село. Ну, такъ вотъ и прошли мы облавой до самой глуши, до зимницы; можетъ статься, и встрѣтилъ кто прохожаго съ кистенемъ; такъ чай самъ посторонился и глазъ на него не подымалъ, чтобъ и не

видать, страшно вѣдь, сожжетъ, ему это ни по чемъ. Однако дошли до зимницы; глядь, анъ изъ окна торчитъ ружье. Не подходи, православные, кричитъ онъ оттуда, убью; проходи своей дорогой. Вотъ я и выхватилъ на скоро ружьишко свое — а я зарокъ положилъ, чтобъ для нихъ для мошенниковъ душой не кривить, будь власть Господня, и покрылъ зарокъ молитвой — выхватилъ, приложился, чикъ — осѣчка! Онъ свое прямо на меня уставилъ дуломъ изъ окна–то–чикъ, осѣчка и у него! опять я въ него — осѣчка! опять онъ въ меня — осѣчка! Ему мошеннику все лучше, за косякъ хоронится, а я–то весь передъ нимъ тутъ, какъ листъ передъ травой. Опять я потру, потру ногтемъ кремень, опять взведу курокъ — нѣтъ, не беретъ; явственно, что Господь милостивый хранилъ меня отъ него, отъ душегубца, потому что и онъ то и дѣло чикаетъ оттуда, да не даетъ Богъ стрѣльбы. Тутъ отколь ни возьмись Антипка подскочилъ, сынъ, что теперя въ извозѣ; давай, говоритъ, бачка, давай мнѣ ружье, я на счастье

попытаюсь. — Поди–молъ ты, молокососъ, отойди прочь, убьетъ онъ тебя, съ этого мѣста не спуститъ. Вотъ я еще перекрестился, приложился, да какъ только онъ ружье въ оконце, а самъ сталъ опять таки ублажать православныхъ острасткой, чтобъ проходили мимо, такъ я и хватилъ его въ окно жеребьями; — у него опять осѣчка, а у меня–то выстрѣлило. Гляжу, а у него у душегубца и ружье изъ рукъ вывалилось. Ну, слава тебѣ Господи! тутъ кинулись всѣ, стали было высаживать двери, а мы съ сыномъ въ окно вскочили, ужъ не страшно стало, и поймали его, съ перебитымъ плечомъ; одинъ только тутъ и былъ.... Нѣтъ, на ружье не надѣйся, на Бога надѣйся, да рогатину, а ружью не вѣрь, ружье обманетъ. Тетерьку стрѣлять станешь, оно и нешто и выпалитъ; а вотъ босаго–то станешь на себя принимать, оно тутъ тебя и выдастъ. На рогатину нѣтъ заговора, только упирай ее крѣпче комлемъ, да управляй желѣзомъ куда слѣдуетъ.

Пора слѣзать дядя Гарасимъ; сказалъ Макаръ, вотъ на право недалечко слѣдъ осмотрѣть надо, коимъ до берлоги прошелъ; хоть и засыпанъ, а знать еще хорошо. Остановились и прошли къ слѣду. Увидавъ его, старикъ снялъ шапку, перекрестился на востокъ солнца, а прочіе за нимъ тожъ: потомъ стали они кланяться другъ другу и просить прощенія, какъ бы прощаясь на вѣкъ: простите меня грѣшнаго, православные, Христа–ради простите. Наконецъ Гарасимъ досталъ ножъ свой, отошелъ въ сторону, срѣзалъ прутъ вилочкой, заострилъ концы, нагнувшись пошепталъ что–то, воткнулъ вилочку въ одинъ изъ слѣдовъ огромной медвѣжей лапищи, еще перекрестился и покончивъ дѣло это, скорыми шагами воротился къ товарищамъ. Всѣ трое пошли къ дровнямъ своимъ, сѣли и поѣхали! Что приткнулъ? спросилъ Макаръ. — Приткнулъ; былъ бы тутъ только, такъ не уйдетъ.

А который это будетъ, сказалъ Гарасимъ, тотъ ли, что навѣдывался лѣтомъ къ Воротиловскимъ, аль что корову

задралъ на ключахъ? — Этотъ будетъ, отвѣчалъ Макаръ, тотъ не великъ, овсяникъ надо быть; а этотъ, видѣлъ, даромъ что босой, ровно мужикъ въ лаптяхъ прошелъ.

Проѣхавъ еще лѣсомъ сколько можно было, охотники наши остановились; тутъ за хламомъ, буреломомъ и валежникомъ разныхъ именованій никакой ѣзды не было. Оглянулись и вырубили каждый по сосенкѣ, на ратовище, аршинъ въ пять, либо въ шесть. Тонко притесываешь, сказалъ Макаръ задорному новичку, Сенькѣ, который выходилъ на медвѣдя впервые. — Нельзя, дядя, у моей рогатины трубка неширокая. — Покажъ сюда? — Сенька досталъ рогатину свою изъ за пазухи, и оказалось, что это было старенькое шиповое долото. — Охъ ты курицына дочь, сказалъ Макаръ, ты съ чѣмъ это на медвѣдя идешь? — Ничего Богъ милостивъ, дядя молчи; это чѣмъ не ладно? это ладно будетъ совсѣмъ, вотъ только что трубка узенька.... Ну, смотри, продолжалъ Макаръ, приправляя свое ратовище, а не больно это ладно; этимъ дѣломъ шутить

нечего, долото не рогатина. А ну ка, поищи, нѣтъ ли какого завалящаго гвоздка въ карманѣ? — На что, обозвался дѣдушка, который подошелъ на ту пору съ насаженной рогатиной, волоча ее за собою. А вотъ прибить бы гвоздочкомъ, чтобъ не соскочила, отвѣчалъ Макаръ, указывая пальцемъ на дырочку въ трубкѣ своей рогатины, также ужъ приправленной. — Вотъ пустяки, молвилъ старикъ, на что? вѣдь онъ не на себя потянетъ ее, а самъ на нее полѣзетъ; не падать, съ Богомъ. Ты гляди, Ванюха, стой тутъ, да неровно голосъ подадимъ, такъ обзывайся по зычнѣе.

Еще разъ перекрестились и пошли, держа рогатину подъ шейку и волоча ратовище за собою. Передки вези, а задокъ самъ ѣдетъ, съострилъ дѣдушка, когда Сенька сталъ оглядываться на слегу свою, которая моталась взадъ и впередъ промежъ кочекъ, сугробовъ, пней колодъ и цѣлыхъ засѣкъ валежнику. Дѣдушка, дѣдушка, закричалъ Ванюшка — тотъ оглянулся: пусти меня съ собою на медвѣдя–то!

Макаръ съ Семеномъ захохотали, а дѣдушка только погрозился на Ванюху и молча продолжалъ путь. — Ну, сказалъ онъ, крикнувъ и переваливаясь бокомъ черезъ лежавшую въ–полчеловѣка колоду, вы братцы, послушайте меня: какъ подходить станемъ близко, то ты, Макаръ Тимофѣевичъ, пускай впередъ меня одного, съ жучкой, я принимать стану его, а вы слышь за мной, да готовьтесь подсаживать; не какъ долги больно ратовища у васъ, не сподручно поворачиваться будетъ, обрубили бы четверти на три; какъ приму я его сердешнаго, Богъ велитъ, то съ боковъ–то и подскакивайте, да угожайте повыше моего, въ саму грудь, въ сердце; ты пожалуста Макаръ по праву руку иди; Сенька парень хорошій, а все ему первинка еще; ты подсаживай его въ лѣвый бокъ, угожай прямо въ сердце. А засапожникъ свой, Макарушко, высвободи, череномъ наружу, не ровенъ часъ. Береженаго и Богъ бережетъ. А ты, Сеня, топоръ ощупай за поясомъ, чтобъ сподручно торчалъ. Жучка, жучка, сюда!

Такимъ образомъ тройка наша подвигалась впередъ, и трущоба все становилась гуще, лому навалено было болѣе. Мѣстами казалось, что нельзя и пройдти; но гдѣ охотникъ не перелѣзетъ! Въ Сибири говорятъ: гдѣ два оленя прошли, тамъ Тунгусу большая дорога; а наши лѣсники говорятъ: гдѣ медвѣдь проломился, тамъ и человѣкъ не застрянетъ. Наконецъ Макаръ остановилъ рукою Гарасима, и указывая впередъ, въ чащу сосняка, въ полголоса повторялъ: вотъ, вотъ, вотъ....

Дѣдушка Гарасимъ выросъ на поларшина, будто его съ земли подняло; глазишки его загорѣлись, скулы сжались, дыханіе зачастило. Махнувъ товарищамъ своимъ рукою позадь себя, онъ сталъ не звучно посвистывать, подзывая собаку, а самъ тихими шагами шелъ впередъ, чутко прислушиваясь и зорко вглядываясь въ скученный передъ нимъ соснякъ. Двѣ сосны были выворочены до половины съ корнемъ и съ цѣлымъ пластомъ земли и лежали на крестъ, упершись сучьями въ сосѣднія деревья. Тутъ, тутъ, безпремѣнно

тутъ, говорилъ шопотомъ съ натугой Макаръ, а Гарасимъ все посвистывалъ, шагалъ все тише и осторожнѣе; нетерпѣливо осадивъ рукою выпятившуюся рогатину Семена со старымъ долотомъ и не смигивая глазомъ, онъ тихо подавался впередъ. Вдругъ жучка залился отчаяннымъ визгливымъ лаемъ и въ тоже мгновенiе гора снѣгу, съ хворостомъ и хламомъ, встала въ десяти шагахъ передъ охотниками, и Семену показалось, что весь стоячiй лѣсъ покачнулся, и земля подъ нимъ всколебалась.

Дѣдушка громко гикнулъ и продолжалъ кричать и травить жучку отчаяннымъ голосомъ, взмахивая лѣвою рукою — въ правой держалъ онъ рогатину, все еще вплоть у желѣзка; товарищи вторили ему, жучка война заливался, будто кто теребилъ его за горло. Медвѣдь всталъ; застигнутый подъ вывороченными пластами какъ подъ крутой стеною, озлобленный наглою привязчивостiю жучки, онъ вздыбился съ мѣста и шелъ ревучи прямо на своихъ противниковъ. Гарасимъ сдѣлалъ только

шагъ впередъ, для послѣдняго вызова врага взмахомъ руки, потомъ быстро выдвинулъ рогатину не болѣе какъ на аршинъ впередъ себя, подхватилъ ее въ обѣ руки, и осаживая легонько ощупью въ нѣсколько пріемовъ, уперъ комлемъ твердо въ снѣгъ и землю; босой уже протягивалъ лапы на дѣдушку, ихъ раздѣляла только аршинная длина выпущеннаго конца рогатины; Гарасимъ еще таки успѣлъ дать на него окрика, и въ тотъ же мигъ, подставивъ ему желѣзо подъ самую грудь, быстро сталъ перехватывать руками по рогатинѣ, упирая ее крѣпко въ землю и отступая по мѣрѣ того, какъ звѣрь на него насѣдалъ.

Мишка человѣкъ упрямый и своенравный; онъ не любитъ ни уступать, хотя самъ и не задоренъ, ни дать кому дорогу посторонившись, ни вообще уклоняться отъ какихъ либо препонъ и преградъ; онъ привыкъ всюду ломиться напрямикъ; сбивая съ ногъ и съ корня все, что, не признавъ лѣснаго хозяина, само не даетъ ему вольнаго проходу. Встрѣчные сучья въ оглоблю толщины ломаетъ онъ

боками, не замѣчая ихъ; но съ желѣзомъ онъ не знакомъ, и установки рогатины подъ угломъ и комлемъ подъ корень пня онъ не знаетъ. Отъ перочиннаго ножичка, который подставляютъ ему подъ названіемъ рогатины, было бы ему и стыдно и странно уклониться, тогда какъ уклончивость эта стоила бы каждому охотнику жизни, а его бы спасала отъ неминучей смерти; но онъ только лѣзетъ впередъ, сѣвъ грудью на остріе и стараясь прибрать къ рукамъ отступающаго передъ нимъ смѣльчака, онъ напираетъ самъ и напарывается все глубже и глубже. Рогатина сильно вздрагивала въ рукахъ Гарасима отъ толчковъ и порывовъ босаго ратника, и дѣдушка нажималъ ее къ землѣ изо всей силы. Подсаживай! закричалъ онъ голосомъ полузарѣзаннаго, когда желѣзо вошло уже на добрыхъ поларшина въ живое мясо, а лютый, неистовый ревъ звѣря сталъ переходить отъ густаго, медвѣжьяго баса, все выше и выше, въ болѣе острые звуки....

Дикими кабанами выскочили Макаръ съ Семеномъ изъ засады и съ разгону подняли

заклятаго врага своего съ обѣихъ сторонъ на клыки. И шиповое долото сослужило службу свою не хуже двурѣзной, закаленной полосы Гарасима. — Вали его, крикнулъ дѣдушка, напирая теперь своей рогатиной изо всей мочи впередъ; вали его, закричали подручники его, и медвѣдь осѣвъ сперва на карачки, рухнулся навзничъ, обливая бѣлый снѣгъ своею кровью, мыча протяжно и вяло отбиваясь лапами на воздухѣ....

Кто бы справился съ этою силою, будь она силою разсудительною! Не хитра выдумка подставить дураку роженъ, на который онъ самъ лѣзетъ и самъ валится, всею тяжестью неуклюжаго, огромнаго тѣла своего; а побѣждаетъ и эта хитрость!

Дѣдушка Гарасимъ хотѣлъ было тотчасъ, перекрестясь, приниматься за освѣживаніе звѣря, но Сенька, въ изступительномъ удовольствіи своемъ, сталъ упрашивать его, кланяясь въ ноги, чтобы везти босаго цѣликомъ на село. Подумавъ немного, Макаръ присталъ къ нему, и дѣдушка согласился. Изъ трехъ

слегъ ратовищъ связали вязками наскоро волокушку, взвалили медвѣдя, подняли одни концы на плеча и потащили. Съ трудомъ доволокли его до дровней, гдѣ Ванюха больно соскучился одинъ, и отъ радости вмѣстѣ съ жучкой, задалъ выпляску на убитомъ медвѣдѣ.

— А ты гдѣ былъ, неслухъ эдакой, встрѣтила одна изъ ткачихъ Ванюху, когда первая радость встрѣчи и поживы миновалась. — Я съ дѣдушкой, затянулъ Ванюшка плаксиво, прячась за лошадь, около которой возился.... Вотъ погоди, съ дѣдушкой, продолжала бойкая молодая баба, погоди, пострѣлъ, я тебя, ужо: ужъ и ты никакъ у меня на медвѣдей повадился? Глупый, неразумный, издеретъ медвѣдь тебя, а вотъ отецъ съ извозу воротится, да съ меня спроситъ, а? Погоди!

— Да это, мама, не такой медвѣдь, не тово....

— Какой не такой! — Сказывай пострѣлъ, какой не такой?

— Да не такой это, вонъ вишь смирный....

— Ахъ ты, кашникъ постылый, смирный! Погоди, отецъ воротится, онъ тебѣ дастъ.

На эту острастку Ванюшка, понуривъ голову, скрытно улыбнулся, будто подумалъ: Ну, коли расправа до отца отложена, такъ ладно. Нынѣ, такъ бы страшно, а когда нибудь — ничего.